
Советские по стилю, религиозные по содержанию. Письма верующих во власть в период позднего социализма

Надежда Белякова

Soviet in style, religious in contents. The letters of believers during the late Socialism

Nadezhda Belyakova (Institute of World History, Russian Academy of Science, Moscow; Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), Russia)

DOI

В последнее десятилетие исследователи неоднократно обращались к источникам, созданным «простыми советскими людьми». Одним из наиболее сохранных оказались, пожалуй, «письма во власть»¹. Их соблазнительно трактовать как «голос» («текст») народа, своего рода наивное письмо, позволяющее реконструировать ценностные установки обывателя. Сохранившиеся благодаря бюрократической процедуре работы с письмами, они дают возможность услышать позицию не только власти, но и её оппонентов, заявлявших о принципиально иной системе ценностей. В настоящем исследовании речь пойдёт о письменном наследии людей, которые не побоялись публично назвать себя верующими в условиях построения атеистического общества. Главный вопрос — как они видели себя в стране победившего социализма, какими понятиями и категориями описывали свои потребности в связи с религиозными взглядами в период «развитого социализма»?

Письма во власть были неотъемлемой частью социального протеста ещё в 1920—1930-е гг. Однако этим их функции не ограничивались. Простые советские люди «считали своим долгом» ставить высшую власть в известность о ненормальных явлениях повседневной жизни. Такие действия наиболее удачно обозначаются понятием «сигналы». Уже в 1930-х гг., несмотря на удручающе плохую работу с поступающими письмами, они оказались чуть ли не единственным «социальным клапаном» — каналом коммуникации населения с властью, — и их поток постоянно увеличивался. Ф.-К. Нерар связывает это, среди прочего, с исчезновением других форм легального протеста. Одновременно письма тех лет отражают активное освоение населением языка пропаганды: «массы» осваивали (принимали и переосмыслили) спускаемую сверху идеоло-

---

© 2019 г. Н.А. Белякова

¹ См., например: Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918—1932 г. / Под ред. А.К. Соколова. М., 1997; *Сандомирская И., Козлова Н.* «Наивное письмо» и «наивная» Родина // *Сандомирская И.* Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001. С. 115—143; *Клинова М.А.* Письма и жалобы в органы власти как источник изучения советской повседневности // *Вестник архивиста.* 2012. № 4. С. 300—305; *Нехамкин В.А.* Донос как социально-психологический феномен (из отечественного опыта 1930-х годов) // *Историческая психология и социология истории.* 2014. № 2. С. 63—69; *Кимерлинг А.С.* Письма во власть в позднюю сталинскую эпоху: интимное и политика // *История в эго-документах: Исследования и источники.* Екатеринбург, 2014. С. 325—338.

гию². При этом написание «писем во власть» стало чуть ли не частью народного творчества, формой народной культуры со своими умельцами. Однако они использовались и самой властью — например, для мобилизации населения, дискредитации идейно чуждых элементов или в рамках кампаний по «отсеиванию». Многие такие кампании начинались с «обращений трудящихся».

Сравнительное усиление социальной направленности политического курса в брежневский период отразилось на отношении к «сигналам снизу». Была разработана процедура работы с ними, регламентировавшаяся нормативно-правовыми актами. В 1968 г. принят новый закон о порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан, в который в 1980 г. внесли дополнения³. Исследователи отмечали, что социалистические диктатуры связывали себя с массами через декларируемую патерналистскую опеку над «маленькими людьми»⁴. «Забота партии и правительства» предусматривала ответную реакцию со стороны населения⁵, которая проявлялась в различных формах демонстрации лояльности: участии в выборах, членстве в общественных организациях, поддержке идеологических кампаний через письма в редакции периодических изданий⁶.

В условиях холодной войны письма граждан («советской общественности») часто использовались и при работе с зарубежьем — в виде обращений к международной общественности против агрессии со стороны враждебного окружения, дискриминации расовых и этнических меньшинств в капиталистических государствах и т.п. Для придания авторитета своим внешнеполитическим инициативам и продвижения их на международной арене советское руководство использовало ресурс и «наименее советских» институтов — например, церкви. В современной историографии достаточно хорошо описаны формы внешнеполитической активности православного духовенства и механизмы взаимодействия в этой сфере с государственными институтами⁷. Например, в 1982 г. в адрес II специальной сессии ООН по разоружению была направлена

---

² *Нерар Ф.-К.* Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928—1941). М., 2011.

³ Указ Президиума Верховного совета СССР от 12 апреля 1968 г. № 2534-VII «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан» // Ведомости Верховного совета СССР. 1968. № 17. Ст. 144; Закон СССР от 26 июня 1968 г. № 2830-VII «Об утверждении Указа Президиума Верховного совета СССР “О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан”» // Ведомости Верховного совета СССР. 1968. № 27. Ст. 237.

⁴ *Merl S.* Politische Kommunikation in der Diktatur: Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich. Wallstein Verlag, 2012. S. 82.

⁵ Примечательна «благодарность», составленная в 1980 г. протоиереем Петром Маркеловым и направленная в Совет по делам религий при Совете министров СССР (СДР): «Нашему Советскому, Коммунистическому Правительству во главе с Леонидом Ильичом Брежневым, что мы, священнослужители, освобождаемся от уплаты налога по статье 19 и будем платить по статье 18-ой, в чём предоставляются нам льготы, за что большое сердечное спасибо». Далее в письме подчёркивалось, что «верующие граждане, живущие в развитом обществе СССР, пользуются всеми правами советского гражданина и равны перед законом Советского государства» // ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 6, д. 2207, л. 8—9.

⁶ *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008.

⁷ *Болотов С.В.* Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930—1950-е гг. М., 2011; *Васильева О.Ю.* Русская Православная Церковь и Второй Ватиканский Собор. М., 2004; *Beglov A., Belyakova N.* International activity of the Russian Orthodox Church during the Cold War. The results and the future prospects of study // Christian World Community and the Cold War. International Research Conference / Ed. J. Filo. Bratislava, 2012. P. 171—192.

подборка писем духовенства и верующих СССР⁸. Однако церковные структуры подтверждали свою лояльность не только «на экспорт». Через уполномоченных СДР они участвовали в составлении писем, выражавших поддержку курсу во внутренней политике — например, массово направляли приветствия съездам КПСС, поддерживали принятие новой конституции. Власть нуждалась в подтверждении лояльности со стороны всех групп населения.

Первые массовые заявления верующих начались в середине 1940-х гг. в связи с кампанией по регистрации общин. Обычно они носили достаточно формальный характер. Изученные мною архивные фонды показывают, что письма верующих приобрели острый протестный характер в период хрущёвской антирелигиозной кампании и превратились в стабильный поток при Л.И. Брежневе. Этот массовый поток вписывается в концепт «эпистолярной революции», начавшейся в СССР в 1960-х гг. Разнообразие формы и содержания сначала заставило предположить невозможность работы с ними как массовым источником, однако постепенно стали просматриваться определённые общие черты.

География поступления писем и их интенсивность крайне неравномерны. Так, в первом полугодии 1972 г. письма по союзным республикам и областям распределялись следующим образом: Грузия — 17; Казахстан — 40; Туркменистан — 5; Гомельская обл. — 20; Гродненская — 24; Минская — 9; Могилевская — 21; Николаевская — 16; Одесская — 77; Ровненская — 118; Ростовская — 51; Сумская — 44; Тернопольская — 62; Харьковская — 95; Хмельницкая — 15; Челябинская обл. — 8⁹. Однако пока установить закономерность географии не удалось. Можно отметить, что налицо поступление значительного количества обращений из западных областей Украины и Белоруссии.

На протяжении 1960—1980-х гг. в количественном отношении преобладали письма православных, что несколько меняет представление об отсутствии в этой среде консолидированного протеста. Бульшая часть писем содержала просьбы об открытии снятых с регистрации храмов или молитвенных домов, регистрации «служителей культа» и религиозных общин. Эти пожелания сами по себе шли вразрез с атеистической политикой, в которой важным показателем успешности изживания религиозных предрассудков было сокращение количества зарегистрированных церквей, и, по сути, носили характер протеста против идеологической системы. Соглашались ли сами авторы с такой постановкой вопроса? Некоторые письма, как кажется, подтверждают этот тезис. «Настоящим заявлением ставим Вас в известность о том, что несмотря на многочисленные жалобы, заявления и протесты верующих нашей страны против несправедливости, произвола и преследований последних, грубые, зачастую ничем не прикрытые репрессии продолжают», — писали Н.С. Хрущёву евангелисты из Московской обл. в июне 1962 г.¹⁰ На рубеже 1970—1980-х гг. накал категоричности некоторых писем и телеграмм был таков, что карой небесной грозили даже главам КПСС и КПУ: «Вам, тов. Брежнев, тов. Щербицкий, вверена Богом власть в республике. Вы в большой ответственности о бедственном положении народа Божьего в стране... Оттого, что вы отвергаете Бога, бытие Его не прекращается. Остановите же развернувшийся курс уничтожения христиан в стране, не отписывайтесь ничего не говорящими бумажками. Присы-

⁸ ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 6, д. 2296.

⁹ Там же, д. 475. Подсчитано автором на основании переписки СДР с его уполномоченными на местах.

¹⁰ ЦГА Москвы, ф. 3004, оп. 1, д. 74, л. 12.

лаемые нам местными властями, эти отклики будут лишними обвинителями на вечном суде Божиим»¹¹. В письмах такого рода открыто заявлялось о дискриминационном характере нормативно-правовой базы. Их авторы распространяли в самиздате и передавали за рубеж сведения о репрессиях в отношении верующих и требовали пересмотра законодательства.

Авторство этой категории писем достаточно легко локализуется: они шли от той категории верующих, которая публично бросила вызов системе и ограничениям, наложенным ею на отправление религиозных обрядов. Протестные письма исходили также из среды, относящейся к нелегальным ветвям евангельских христиан—баптистов (Совета церковью ЕХБ), адвентистов-реформистов («Церковь верных и свободных адвентистов седьмого дня»), незарегистрированных пятидесятников.

Такая деятельность, однако, маркировалась как «клеветническая», очерняющая советскую действительность, а её участники клеймились как «антисоветчики». Регулярная рассылка такого рода писем могла служить основанием для привлечения к уголовной ответственности. Однако большая часть текстов построена по совсем другим канонам, которые и будут рассмотрены ниже. Авторы их воспринимают себя как полноценных членов советского общества, с вниманием и лояльностью относящихся к власти и чутко реагирующих на политику партии и правительства. «В преддверие двадцать шестого съезда КПСС трудящиеся нашей страны, как партийные, так и беспартийные, обращаются к предстоящему съезду со своими наиболее злободневными и насущными проблемами, предложениями и пожеланиями. Решили и мы, верующие Львовской области, исповедующие католицизм восточного обряда, обратиться к высокому общенародному представительству со своими наболевшими вопросами», — такими словами начиналось письмо греко-католиков к высшему руководству страны¹².

Верующие часто использовали выражение «советские труженики». В значительной части писем встречается апелляция к Великой Отечественной войне, имеющей, как показывает современность, неисчерпаемый потенциал для легитимации режима. Так, верующие из Брянска, заканчивая письмо с просьбой зарегистрировать вторую общину ЕХБ, писали: «Многие из нас пожилого возраста. Мы видели ужасы войны, видели как умирали мирные люди, как горели дома и как задыхались от дыма и газа! Среди нас есть ветераны и инвалиды войны, участники партизанского движения. И нам скорбно сознавать, что теперь мы не имеем возможности свободно, спокойно помолит[ь]ся. Снова обращаемся к Вам с просьбой посодествовать зарегистрировать нас»¹³.

В сознание советских людей настолько вошло представление о категориях граждан, заслуживших право на блага, что несоответствие личного опыта и штампов никого не смущало. «Мы, церковный совет, инвалиды фронтовики, красноармейцы и все православные христиане с. Нижняя Стынова обращаемся к Вам по вопросу вмешательства и помощи о назначении на приход с. Нижняя Стынова священника», — писали в середине 1980-х гг. верующие из Львовской обл.¹⁴ Они пытались вписать себя в «советское общество», игнорируя традиционное недоверие к «западенцам» и неоднозначный опыт Второй мировой

¹¹ ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 6, д. 1998, л. 171—172.

¹² Там же, д. 2036, л. 33.

¹³ Там же, д. 2952, л. 128.

¹⁴ Там же, д. 1891, л. 15.

войны у населения этих областей Украины. В Чечено-Ингушской АССР верующие тоже нуждались в особом внимании: «Это граждане СССР, многие из них участники Октябрьской революции, гражданской и Отечественной войны, труженики и заслуженные пенсионеры, разве где написано, что их можно обманывать и над ними можно творить беззаконие?»¹⁵.

Основными нарушителями законности, согласно обращениям, предстают местные власти. Их действия описываются подробно, они обвиняются в жестокостях и издевательствах над простыми людьми. «В наших руках имеется 18 ответов на наши жалобы, и никто не соизволил открыть на наши вопли и прошения глаза и уши... С 1983 г. по настоящее время мы побывали во многих инстанциях, и тех людей, которые добиваются правосудия, ехали в Москву, постоянно штрафуют... 25 июля 1984 г. председатель райисполкома проводил собрание на поле с нами — колхозниками. Он угрожал исключением с колхоза, а также уголовной ответственностью от 2 до 7 лет тем, которые ехали в Москву добиваться своего права, называя нас сволочами»¹⁶. Из Донецкой обл. жаловались: «Неправда, что церковь была закрыта по причине отсутствия религиозного общества. Церковь была закрыта местными властями тайно, ночью. Автогеном были срезаны кресты и сняты колокола. Теперь вместо креста поставлен металлический петух»¹⁷. Отмечалось самоуправство — так, верующие из с. Южинец Черновицкой обл. жаловались на местного уполномоченного СДР П.Г. Подольского: «Вот что он говорит, когда члены двадцатки были на приёме, так и в обкоме партии, когда его пригласили для разбора 23 июля 1984 г. С криком накинулся на людей и сказал: “Я — Москва и что хочу, то и сделаю, но вам церковь не позволю открыть”»¹⁸.

Из писем порой явствует разнообразие и активность религиозной жизни, даже несмотря на препятствия, чинимые властями на местах. Так, верующие с. Ричка Львовской обл. рассказывали XXVI съезду КПСС: «В 1975 году церковь была снята с учёта, якобы в связи с тем, что находилась в аварийном состоянии и не посещалась верующими. В действительности это не так. Церковь находится в хорошем состоянии и не требует ремонта. Верующими она посещалась и посещается. Об этом свидетельствует 500 подписей, поставленных под заявлением. Снята с учёта в отделе по делам религий была без ведома верующих и вопреки их желанию и нарушению действующему законодательству (так в тексте. — *Н.Б.*) о свободе отправления религиозных культов. До 1963 года к нам в село в Церковь приезжал священник из города Рава-Русская. В конце этого года сменил приход, а на его место дали нового, пожилого возраста, и по состоянию здоровья он не смог удовлетворять потребности двух приходов. Церковь мы посещаем и поём службы сами. В 1978 г. священник в г. Рава-Русская умер, и на его место назначили нового священника. Мы обратились в епархиальное управление, чтобы дали священнику отправлять службы в церкви, как было раньше. Нам ответили, что не возражают, но для этого нужно поставить церковь на учёт, так как она снята с регистрации в 1975 г. ... Из райисполкома прислали нам ответ, что церковь на учёт не поставят, потому что нас соединили с приходом г. Рава-Русской, и чтобы верующие туда ходили в церковь. Нас, верующих, в селе около двух тысяч и не все имеют

¹⁵ Там же, д. 954, л. 57.

¹⁶ Там же, д. 2989, л. 65.

¹⁷ Там же, д. 3496, л. 25.

¹⁸ Там же, д. 2989, л. 64.

возможности доезжать в церковь г. Рава-Русская (расстояние 7 км). И для чего нам ходить в чужую церковь, если у нас есть своя и она находится в отличном состоянии»¹⁹.

Действия местных органов — не просто превышавших свои полномочия, но демонстративно игнорировавших свои обязательства и даже отказывавшихся подчиняться союзному/партийному центру и нормативно-ценностным установкам советского общества — подрывало доверие к режиму в целом. Этот тезис звучит в письмах постоянно. «С чем связано это издевательство над людьми, почему органы власти, гласно объявив им их права, толкнули верующих, чтобы они попросили регистрации общества и открытия мечети, а потом отказывают им?.. Неужели у нас нет ни одного справедливого органа, который может стать на защиту справедливости и закона?.. В семьях этих стариков растет молодое поколение, которое видит эти нарушения, с каким сознанием они могут развиваться?» — задавали вопрос из Чечено-Ингушской АССР. Иногда верующие осмеливались сопоставлять досоветскую жизнь с современными им реалиями, и это сравнение оказывалось не в пользу последних. «Значит, во время оккупации нашего края чехами, венграми, румынами мы не представляли своей церковью никакой угрозы. А теперь... закрыли не только нашу православную церковь, но и разграбили наши святыни. И почему нас заставляют молиться во второй церкви, которую мы считаем униатской? Эта церковь олицетворяет для нас, православных, старые порядки оккупаций. Община этой церкви считается православной, но почему тогда сохранено всё униатское в церкви?!» — писали из Закарпатья²⁰, где поликонфессиональная среда и пограничность территории ощущались очень остро и в 1980-х гг.

Важной составной частью обращений была апелляция к действующим конституционным и законодательным нормам. Верующие стремились показать, что их действия являются исполнением законов. Например, автор коллективного письма братских меннонитов из Киргизии Я. Завадский подвёл серьёзную базу под требование зарегистрировать общину в с. Ново-Павловка: «Пишу к вам, исходя не только из нашей нужды, но и опираясь на Конституцию СССР ст. 12 “свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами”, а также в ст. 125 сказано, что “гражданам СССР гарантируется законом... свобода собраний”. В историческом Заключительном Акте совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, принятом в августе 1975 года и подписанном среди других 34 стран генеральным секретарём ЦК КПСС Л.И. Брежневым, седьмая глава первого раздела первой части (1а VII) называется “Уважение прав человека, и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений”. В ней, в частности, говорится, что страны “будут признавать и уважать свободу личности и исповедовать, единолично или совместно с другими, религию или веру, действуя согласно влечению собственной совести”. Наше правительство одобрило, как известно, Заключительный Акт, расценивая его как величайший прогрессивный шаг в истории человечества. Аналогичная статья “Советский закон и свобода совести” В.А. Куроедова, председателя Совета по делам религий при Совете министров СССР (газета “Известия” № 25 от 31 января 1976 г.), в которой большое ударение делается на право отправления религиозных потребностей каждой религиозной общиной»²¹.

¹⁹ Там же, д. 2036, л. 2, б. Письмо зарегистрировано в отделе писем ЦК КПСС 5 февраля 1981 г.

²⁰ Там же, д. 3498, л. 20.

²¹ Там же, д. 928, л. 108—110.

Верующие из Чечено-Ингушской АССР, добиваясь регистрации мусульманской общины, писали о своей проблеме в журнал «Религия и закон», используя схожую аргументацию: «Новая Конституция и законы о культах закрепили за верующими право на вероисповедание и свободу отправления религиозных культов. Брошюры и статьи в газетах тов. Куроедова — председателя Совета по делам религии — разъяснили верующим их права в нашей стране. Кроме того, уполномоченный по делам религии в ЧИАССР объяснил верующим, что они могут подавать заявления в исполкомы с просьбой регистрации их обществ и открыть мечети. В конце августа 1977 г. группа лекторов читали лекции в РДК г. Назрани. Они говорили, что верующие могут объединяться в общества, и где имеется общество не менее 20 человек, исполком должен их зарегистрировать и разрешить им арендовать частное помещение старого храмового помещения для исполнения религиозных потребностей»²².

Ссылки на Конституцию, выступления Куроедова и др. встречаются в письмах из всех республик. Верующие разных конфессий рассматривали просьбы сквозь призму правовых норм, подтверждая правильность и законность своих обращений. Примечательно, что советские граждане, привыкшие отслеживать колебания линии партии, которые отражали ведущие советские издания, восприняли статью Куроедова в «Известиях» как сигнал о перемене курса в отношении религии²³. Ирония ситуации заключалась в том, что заявления о свободе совести имели в первую очередь «экспортный», пропагандистский характер. Они нацеливались на западную аудиторию для «разоблачения измышлений об ограничении религии в СССР», — однако усваивались и внутренней аудиторией. «Контрпропаганда» получила (судя по всему, неожиданно для идеологов) огромный резонанс внутри самого СССР, и люди обращались к власти, требуя исполнения принятых обязательств. С тех пор угроза привлечь внимание международных инстанций (или демонстративное направление копий писем в ООН и другие организации) стала частым атрибутом обращений. «В случае неудовлетворения нашего прошения, мы обязаны будем обращаться за помощью до Церковного Всемирного конгресса», — сделана приписка к одному из коллективных писем²⁴. По сути, советское руководство само загнало себя в ловушку. Его положение усугублялось тем, что к концу 1970-х гг. вопрос положения верующих в Советском Союзе постепенно стал одним из самых острых во взаимоотношениях с «западной общественностью», куда стабильно проникали сообщения об их преследованиях. Например, радио «Свобода», начав публикацию материалов самиздата, несколько томов посвятило письмам на религиозные темы. Активисты и правозащитники на Западе выработали форму массовых запросов о судьбах тех верующих, сведения о которых проникали за «железный занавес». СДР ежегодно накапливал несколько томов таких запросов, пересылавшихся ему МИД СССР «по принадлежности»²⁵.

Тексты проанализированных писем и практика их создания отражают слияние традиционной для русской культуры формы «прошения» и нового посыла «советской гражданственности». География и конфессиональная принадлежность не влияли на форму, лексику и содержание обращений: верующие использовали устоявшиеся лексические обороты и идеологические клише.

²² Там же, д. 954, л. 55.

²³ Известия. 1966. 30 августа.

²⁴ Там же, д. 1891, л. 52.

²⁵ Только за 1977 г. отложилось три единицы хранения, содержащие почти 500 листов: ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 6, д. 1122—1124.

С одной стороны, это показывает советизацию мышления и языка. С другой — демонстрирует, что, используя легитимный канал связи и демонстрируя поддержку режима, верующие наполняли их протестным содержанием, «разворачивая» ситуацию, представляя себя как лояльных граждан, стремящихся к соблюдению законности²⁶. Право на веру теперь отстаивали через букву закона, говоря о гражданских правах, закреплённых в Конституции и законодательных актах. Таким образом внутри страны осваивались предназначенные на экспорт пропагандистские концепты.

Зафиксированная исследователями советского общества «приватизация» публичных институтов и смыслов в послесталинский период распространилась и на «письма трудящихся». Они отразили разнообразие частной жизни, а также выявили высокий уровень недоверия к бюрократическим структурам, вынуждавший обращаться напрямую к высшему руководству страны. Авторы часто работали в жанре доноса или просьб/прошений. Он был настолько привычен для обывателя, что когда верующая из Риги села в 1985 г. писать письмо М.С. Горбачёву, предупредила: «Ни о рабочих конфликтах с администрацией, ни о квартирном вопросе я не пишу. Моё письмо — о вопросах нравственных»²⁷. В случае с исследованным источником уже нельзя говорить о патерналистском характере отношений между простым человеком и властью. Налицо уникальный опыт: одобряемая форма коммуникации — принятие системы — оказалась присвоена обычными людьми для своих целей и нужд.

---

²⁶ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014.

²⁷ Письмо пятидесятницы из Риги высшему руководству страны о необходимости нормализовать отношения с верующими (ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 6, д. 3126, л. 24).